

А.К. Атабаева^{1*}, Т.П. Притворова²

^{1,2}*Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова, Караганда, Казахстан*
¹*atabaeva@list.ru, ²prityvorova_@mail.ru,*

¹*<https://orcid.org/0000-0002-4644-1843>, ²<http://orcid.org/0000-0002-6306-3960>,*

¹*Scopus Author ID: 57222400191, ²Scopus Author ID: 55816012800*

¹*Researcher ID: AAR-3212-2021, ²Researcher ID: U-7564-2018*

Региональные особенности адресной социальной помощи: предпосылки и меры поддержки

Аннотация:

Цель: Основной целью статьи является исследование региональных особенностей адресной социальной помощи в Карагандинской области для разработки предложений по механизмам её активизации.

Методы: В процессе исследования использовались статистические методы обработки экономических данных в программе *Python*, в частности метод кластерного анализа.

Результаты: Авторами с помощью метода кластерного анализа отражена дифференциация регионов Карагандинской области по атрибутам граждан, получивших право на обусловленную денежную помощь (далее ОДП). Многомерная классификация регионов Карагандинской области проведена с использованием трех групп признаков получателей адресной социальной помощи: демографических, экономических, обусловленных состоянием экономики региона; организационно-управленческих, характеризующих деятельность служб занятости. К демографическим признакам отнесены атрибуты, рассчитанные как удельные показатели на 1 семью ОДП: средний размер семьи; количество многодетных семей; количество трудоспособных лиц; количество лиц, занятых уходом за другими членами семьи (дети, инвалиды, престарелые). В результате получена дендрограмма, в которой выделены два кластера, содержащие внутри себя два субкластера.

Выводы: В полученных кластерах большая однородность внутри каждого определяется сходством демографических характеристик и большей вариацией экономических и организационно-управленческих характеристик. По каждому из субкластеров сделаны предложения по активизации государственных мер занятости, так как обусловленная денежная помощь направлена именно на стимулирование трудовой активности. Для субкластера 1.1 рекомендуется переподготовка или повышение квалификации для трудоустройства на более высокооплачиваемую работу с целью повышения среднего дохода семьи. Для субкластера 1.2 дополнительно предлагается вовлечение лиц, занятых уходом, в частичную занятость. Для субкластеров 2.1 и 2.2 характерна высокая иждивенческая нагрузка. Предложена такая мера, как замена пособия для ребенка дошкольного возраста субсидируемой государством услугой детского дошкольного учреждения. Это может несколько увеличить объемы выплат из бюджета, однако является мерой инклюзива и выравнивания жизненных возможностей для детей.

Ключевые слова: адресная социальная помощь, обусловленная денежная помощь, регион, кластерный анализ, активные меры, занятость.

Введение

Социальная помощь является неотъемлемым инструментом современного социального государства, поскольку в обществе всегда есть социальные группы, которые попали в ситуацию социального риска и не могут обеспечить даже минимальные ресурсы для выживания, а тем более развития. Идея социальной справедливости в такой постановке проблемы общепризнана мировым сообществом (Сен А., 2016).

В 2015 году по инициативе международных организаций были приняты Цели устойчивого развития (ЦУР), которые охватывают широкий круг вопросов благосостояния современных обществ, но вопросы бедности в этот документ включены в рамках всеобъемлющего перечня показателей и во взаимосвязи с задачами других целей (United Nations, 2015).

Сложность решения проблем, связанных с состоянием бедности, заключается в необходимости воздействия, как на объективные факторы, так и на субъективные факторы, обуславливающие отсутствие у домохозяйства ресурсов на решение задач выживания и развития человеческого капитала.

Для государственных мер воздействия, предпринимаемых в рамках борьбы с бедностью, характерно использование как пассивных (монетарных) мер поддержки, так и активных, связанных с участием в доступных проектах профессиональной подготовки, занятости на временных местах с возможностью постоянного трудоустройства.

* Автор-корреспондент. E-mail: *atabaeva@list.ru*

В Казахстане нормативно-правовая база адресной социальной помощи (далее АСП) разделяет два её вида:

- безусловную денежную помощь (оказывается тем, кто не может выйти на рынок труда по объективным, документально подтвержденным критериям);
- обусловленную денежную помощь, которая выплачивается семьям, имеющим в своем составе трудоспособных лиц, которые обязаны участвовать в мерах содействия занятости (Закон РК «О государственной адресной социальной помощи», 2023).

Социальная политика борьбы с бедностью в Казахстане делает акцент на максимальной вовлеченности граждан, получающих ОДП, в активные формы занятости.

Новизна нашего исследования заключается в применении кластерного подхода для группировки территориальных единиц региона по сходству социально-демографических и организационно-экономических факторов, что дает углубленное понимание предпосылок попадания граждан в программу адресной социальной помощи и соответственно приоритетных мер по выводу их из числа участников программы. В данной статье мы не касаемся вопросов размера черты бедности и методологии её расчета, так как это неоправданно увеличило бы объем статьи.

Обзор литературы

Региональные особенности адресной социальной помощи являются важным аспектом социальной политики, поскольку различные регионы могут иметь свои особенности и потребности в адресной социальной помощи. Данные ключевые вопросы отражены в публикациях многих ученых, которые исследуют предпосылки и меры поддержки адресной социальной помощи с учетом региональных особенностей (Ferrera M., 2005; Gibson J., 2016; Nasri K., 2022).

Проблемы региональных неравенств в Европейском союзе рассматриваются M. Nakovirta, C. Skinner, H. Niilamo, M. Jokela. Авторы анализируют государственные меры, принятые ЕС и его членами для устранения региональных различий в доступе к социальной помощи и обсуждают их эффективность (Nakovirta M. et al., 2020).

Широкое внимание уделяется тому, как правительства и страны определяют и измеряют бедность. Американские и европейские исследователи сталкиваются с одинаковыми проблемами, стремясь улучшить свои измерения доходов, бедности и материального благосостояния (Alkire S. et al., 2022).

A. Barrientos, J. Clasen, D. Clegg исследуют региональные аспекты адресной социальной помощи в различных странах. Авторы анализируют политики и программы социальной помощи, рассматривая их адаптацию к региональным особенностям, потребностям, учитывая региональные различия и факторы, влияющие на распределение и доступ к социальной помощи в разных регионах (Barrientos A., 2013; Clasen J. & Clegg D., 2022). А также обсуждают их влияние на сокращение неравенства и бедности, рассматривают региональные аспекты адресной социальной помощи на уровне поднациональных территорий (Li Mengyao & Zemin Wu., 2021). Авторы анализируют примеры и опыт разных стран, где уровень адресной социальной помощи и ее организация отличается в разных регионах (Lustig N. & Tommasi M., 2020).

H. Alderman исследует, насколько хорошо программа социальной помощи ориентирована на бедных. Автор приходит к выводу, что, по сравнению с другими программами социальной защиты в странах с низким уровнем дохода, социальная помощь в Албании является достаточно адресной. Тем не менее, системе мешает отсутствие четкого, объективного критерия для определения размера субсидий от центрального правительства коммуна, а также ограниченность информации, которую можно было бы использовать для реализации этого критерия. Существенных успехов в адресности можно было бы добиться, если бы центральное правительство лучше распределяло трансферты между местными органами власти, даже сохраняя местную адресность на базовом уровне (Alderman H., 2001).

M. Koch-Weser, S. Guggenheim исследуют региональные различия в адресной социальной помощи в Азии. Они анализируют различные стратегии, применяемые в разных странах для борьбы с региональными неравенствами в доступе к социальной помощи (Koch-Weser M. & Guggenheim S., 2021).

Занятость является одной из ключевых мер борьбы с бедностью. Актуальными являются исследования, выявляющие связь между занятостью и бедностью (McElwee G. & Smith R., 2015; Atabayeva A.K. et al., 2021; Кученкова А.В., 2021). Анализ, проведенный в разных странах и регионах мира, выявляет и предлагает различные подходы к преодолению бедности через создание рабочих мест (Pritvorova T.P. et al., 2021; Колесникова О.А. и другие, 2021).

Программы социальной защиты, особенно программы денежных пособий, распространились в странах с низким и средним уровнем дохода с начала тысячелетия и все чаще становятся частью национальных стратегий развития, направленных на оказание помощи бедным (Kalleberg A. & Vallas S., 2017). Можно наблюдать широкий спектр дискуссий о конкретных целях, задачах и условиях социальной защиты и денежных пособий (Петренко Е.С. и другие, 2019; Джусибалиева А. и другие, 2020).

Хотя единого наилучшего варианта программы не существует, D. Hulme, J. Hanlon, A. Barrientos определили пять основополагающих принципов для эффективных усилий. Таким образом, программы социальной защиты и денежные выплаты работают лучше всего, когда они справедливы, гарантированы, практичны, достаточно велики, чтобы влиять на доход домохозяйства, и популярны. Эти принципы нуждаются в интерпретации на национальном уровне, поскольку ни одна модель не может быть автоматически перенесена из одной страны в другую (Hulme D. et al., 2014).

V. Iversen, K. Anirudh, S. Kunal исследуют вопросы занятости, неравенства доходов и сокращения бедности. Они анализируют данные из различных стран и регионов, чтобы выявить взаимосвязь между уровнем занятости, уровнем доходов и бедностью, а также обсуждают различные подходы к повышению занятости и сокращению бедности. (Iversen V. et al., 2021).

I. Woolard, S. Klasen, S. Schotte, R. Zizzamia, M. Leibbrandt, O. Mackett исследуют роль занятости в устранении бедности, сосредотачиваясь на развивающихся странах. Авторы анализируют данные и проводят эмпирические исследования, чтобы определить, какая занятость является наиболее эффективной в сокращении бедности (Woolard I. & Klasen S., 2005; Schotte S. et al., 2018).

Таким образом, исследования региональных особенностей адресной социальной помощи и меры поддержки помогут более глубоко понять роль региональных факторов в адресной социальной помощи и определить эффективные стратегии для устранения региональных неравенств.

Методы

В процессе исследования использовался кластерный анализ показателей, характеризующих социальную группу получателей обусловленной денежной помощи, в том числе активных мер вовлечения их в занятость. Применялись также экономико-статистические методы анализа первичных данных программы для качественной характеристики выделенных кластеров и разработки мер повышения её результативности.

Результаты

Для характеристики группы получателей адресной социальной помощи в Карагандинской области используются средние значения за период 2019–2023 годы. Средний размер домохозяйства, получателя АСП, составляет 4,6 человека, а получателя ОДП — 4,7 человека.

Доля семей, получивших ОДП, за период составляет 68,1 % и варьируется незначительно. Доля лиц незначительно больше и составляет 68,2 %. Женщин на 7 % больше, чем мужчин.

Доля многодетных семей среди семей-получателей составляет 38,6 % и за последние три года доля этих семей увеличивается. Но! Параллельно доля лиц и доля детей среди получателей ОДП снижается, уменьшается также доля детей из многодетных семей ко всем детям-получателям ОДП, что говорит о снижении среднего размера многодетной семьи.

Наибольшие доли в структуре группы получателей ОДП имеют дети до 18 лет — 58,7 % и трудоспособные граждане — 34,5 %. Инвалиды образуют 0,7 % и, согласно современному пониманию этого состояния, могут быть представлены как работники с ограниченными возможностями, то есть ограниченно, но все же трудоспособные. 5 % составляют учащиеся всех стадий после школьного обучения (кроме докторантуры), которые при желании также могут быть вовлечены в частичную занятость.

Что касается структуры трудоспособных получателей ОДП, то она представлена следующим образом. Наибольшая доля трудоспособных лиц, 55,6 % в среднем за период, представлена подгруппой, которая имеет работу на момент обращения. Это говорит о низком уровне оплаты их труда (и скорее всего невысокой квалификации работника, неполной занятости) и невозможности обеспечить среднедушевой доход в семье на уровне черты бедности. Лица, занятые разного рода уходом, в среднем за период составляют 31,3 %. Эта подгруппа также может быть при желании задействована на условиях частичной занятости.

Из всех трудоспособных в активные проекты занятости привлекается в среднем за период ежегодно 18 % лиц. На постоянное рабочее место устраиваются 60,5 % всех вовлеченных, на общественные работы попадают 29,6 %. На курсах повышения квалификации в среднем отметились 4,9 % лиц,

предпринимательские настроения были поддержаны в 3 % случаев. Молодежная практика привлекла 0,54 % лиц.

Социальный портрет средней семьи за 2022 год. Средняя семья состоит из 4,7 человека, состав определяется следующим образом:

- 2,8 дети до 18 лет;
- 0,3 слушатели дневных форм обучения (кроме докторантуры);
- 1,6 трудоспособные граждане;
- 0,1 другие.

Переводя полученную информацию в другой формат измерения можно сказать, что при обращении семьи за ОДП с вероятностью 59,6 % в составе семьи будут дети до 18 лет (включая детей с инвалидностью), вероятностью 34 % трудоспособные граждане, вероятностью 4,3% слушатели дневных форм обучения, вероятностью 2,1% другие категории.

Из 1,6 трудоспособных граждан:

- 0,2 безработные;
- 0,9 имеют работу на момент обращения;
- 0,5 занимаются уходом за другими членами семьи на дому.

Из всех трудоспособных членов семьи вероятность того, что соискатель будет безработным равна 12,5 %; будет уже иметь работу 56,3 %, будет занят уходом за другими членами семьи 31,3 %.

На каждую семью 0,3 человека привлекаются к активным формам занятости, то есть один человек из трех семей вовлекается в проекты занятости.

Кластерный анализ. Атрибуты граждан, получивших право на обусловленную денежную помощь, как активного элемента адресной социальной помощи, согласно официальной информационной базе данных, в 2022 году для кластерного анализа могут быть определены на 1 семью и на 1 получателя.

Совокупность признаков получателей, на наш взгляд, может быть разделена на:

- демографические;
- экономические, обусловленные состоянием экономики региона;
- организационно-управленческие, характеризующие деятельность служб занятости.

К демографическим признакам отнесены атрибуты, рассчитанные как удельные показатели на 1 семью ОДП:

- средний размер семьи;
- количество многодетных семей;
- количество трудоспособных лиц;
- количество лиц, занятых уходом за другими членами семьи (дети, инвалиды, престарелые)

(табл. 1).

Таблица 1. Удельные демографические показатели на 1 семью ОДП, 2022 г.*

Лица по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми		Средний размер семьи		Количество многодетных семей		Количество трудоспособных	
Каражал	0,22	Сарань	4,11	Осакаровка	0,21	Балхаш	1,16
Улытау	0,22	Осакаровка	4,14	Сарань	0,26	Каражал	1,35
Балхаш	0,32	Шетск	4,27	Нура	0,33	Сарань	1,44
Осакаровка	0,35	Актогай	4,30	Приозерск	0,35	Жезказган	1,45
Сарань	0,37	Каражал	4,43	Шетск	0,36	Сатпаев	1,49
Каркаралинск	0,38	Приозерск	4,48	Темиртау	0,36	Осакаровка	1,49
Приозерск	0,38	Балхаш	4,65	Актогай	0,36	Караганда	1,52
Актогай	0,42	Жезказган	4,65	Сатпаев	0,37	Бухаржырау	1,54
Абай	0,46	Сатпаев	4,72	Жезказган	0,38	Абай	1,56
Шетск	0,47	Караганда	4,74	Улытау	0,39	Жанаарка	1,56
Нура	0,48	Абай	4,75	Абай	0,40	Шахтинск	1,60
Сатпаев	0,49	Шахтинск	4,76	Шахтинск	0,40	Актогай	1,61
Жезказган	0,49	Каркаралинск	4,87	Балхаш	0,42	Каркаралинск	1,63
Жанаарка	0,50	Нура	4,87	Караганда	0,42	Темиртау	1,64
Бухаржырау	0,51	Темиртау	4,89	Каркаралинск	0,42	Шетск	1,65
Караганда	0,51	Улытау	5,00	Жанаарка	0,47	Приозерск	1,67
Темиртау	0,58	Бухаржырау	5,11	Каражал	0,48	Нура	1,70

Лица по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми	Средний размер семьи	Количество многодетных семей	Количество трудоспособных
Шахтинск	0,60	Жанаарка	5,25
Среднее значение	0,43	-	4,67

*Примечание. Составлена авторами по данным УКЗ и СП Карагандинской области.

К атрибутам экономическим или организационно-управленческим отнесены удельные показатели на 1 семью (табл. 2):

- количество безработных лиц;
- количество лиц, имеющих работу;
- лица, привлеченные на активные формы занятости;
- лица, трудоустроенные на постоянные рабочие места;
- лица, трудоустроенные на общественные работы.

Таблица 2. Удельные экономические и организационно-управленческие показатели на 1 семью ОДП, 2022 г.*

Количество безработных	Количество лиц, имеющих работу, на одну семью	Лица, привлеченные на активные формы занятости	Трудоустройство лиц на постоянные рабочие места	Трудоустройство лиц на общественные работы					
Бухаржырау	0,03	Балхаш	0,48	Караганда	0,14	Улытау	0,00	Караганда	0,03
Шахтинск	0,04	Улытау	0,72	Темиртау	0,16	Каражал	0,09	Темиртау	0,02
Абай	0,06	Каражал	0,74	Бухаржырау	0,18	Караганда	0,10	Сатпаев	0,03
Темиртау	0,07	Актогай	0,79	Жанаарка	0,21	Каркаралинск	0,10	Бухаржырау	0,03
Жезказган	0,07	Жанаарка	0,81	Жезказган	0,22	Жанаарка	0,12	Жезказган	0,04
Осакаровка	0,13	Караганда	0,82	Абай	0,24	Бухаржырау	0,12	Абай	0,05
Нура	0,13	Шетск	0,86	Каркаралинск	0,25	Темиртау	0,14	Жанаарка	0,07
Сатпаев	0,13	Сатпаев	0,87	Сатпаев	0,25	Абай	0,17	Нура	0,10
Сарань	0,15	Приозерск	0,87	Каражал	0,26	Жезказган	0,18	Каркаралинск	0,11
Каркаралинск	0,19	Жезказган	0,88	Сарань	0,33	Сарань	0,19	Каражал	0,13
Караганда	0,19	Сарань	0,93	Нура	0,35	Приозерск	0,19	Сарань	0,15
Жанаарка	0,23	Каркаралинск	0,96	Балхаш	0,42	Балхаш	0,19	Шахтинск	0,16
Шетск	0,33	Шахтинск	0,96	Приозерск	0,44	Сатпаев	0,21	Осакаровка	0,17
Балхаш	0,35	Бухаржырау	0,99	Шахтинск	0,46	Нура	0,24	Балхаш	0,19
Каражал	0,39	Темиртау	0,99	Осакаровка	0,48	Шахтинск	0,26	Приозерск	0,22
Актогай	0,39	Осакаровка	1,01	Улытау	0,61	Осакаровка	0,28	Актогай	0,27
Приозерск	0,40	Абай	1,04	Шетск	0,67	Шетск	0,29	Шетск	0,28
Улытау	0,78	Нура	1,09	Актогай	0,73	Актогай	0,33	Улытау	0,56
Среднее	0,23	-	0,88	-	0,36	-	0,18	-	0,15

*Примечание. Составлена авторами по данным УКЗ и СП Карагандинской области.

Кластерный анализ на основе удельных показателей для семьи представлен на рисунке 1.

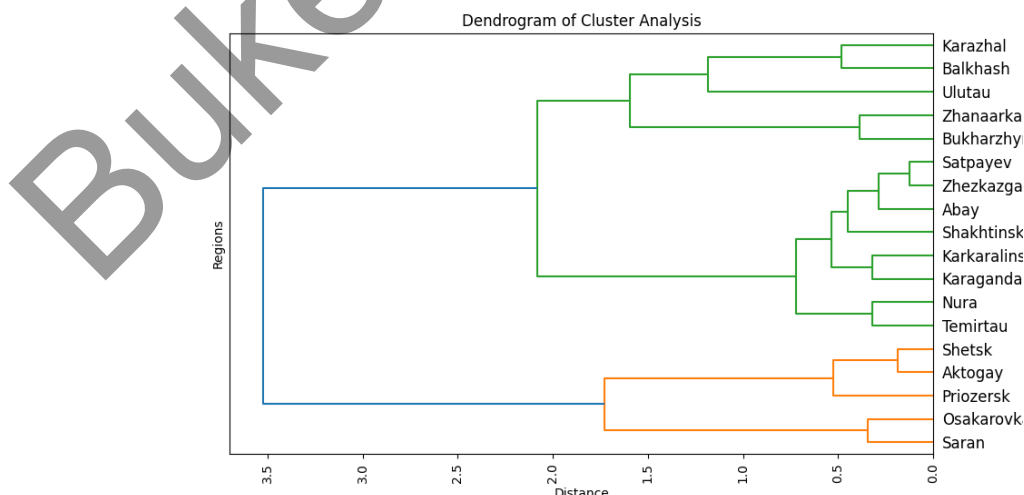

Рисунок 1. Дендрограмма регионов Карагандинской области на основе удельных показателей для семьи*

* Примечание. Составлен авторами.

Согласно полученной классификации, выделяются два кластера, оба внутри себя содержат два субкластера.

Для кластеров, сформированных по фокусу на семью, доминирующими являются демографические показатели. Именно они, а не экономические и организационно-управленческие, определяют группы регионов на основе сходства семейно-демографических признаков.

Так, на рисунке 1 мы видим, что Осакаровский район и г. Сарань представляют малую группу с самыми минимальными «расстояниями» между этими территориальными единицами. Рассмотрев каждый показатель отдельно и по группировкам в таблицах 1 и 2, мы видим, что в таблице 1 эти территориальные единицы занимают соседние либо близкие позиции в ранжированном по возрастанию ряду показателей. Среднее «расстояние» по демографическим позициям равно 0,5. В то время, как в таблице 2, среднее «расстояние» между этими территориальными единицами — 3,2 позиции.

Социальный портрет семьи в этих районах характеризуется минимальным по совокупности средним размером семьи (4,11; 4,14) и минимальным количеством многодетных семей в совокупности (0,21; 0,26). Одновременно количество трудоспособных и лиц по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми — ниже среднего. При этом количество безработных на семью ниже среднего, но количество, имеющих низкооплачиваемую работу, выше среднего, то есть низкооплачиваемая занятость, а не высокие удельные показатели иждивенческой нагрузки являются более значимой причиной участия в АСП. Показатель «лица, привлеченные к активным формам содействия занятости» имеет значение на уровне среднего, но показатель «лица, трудоустроенные на постоянные рабочие места» и «лица, трудоустроенные на общественные работы» выше среднего по области. Для пары Сарань–Осакаровский район профиль программы АСП может быть представлен следующим образом (рис. 2).

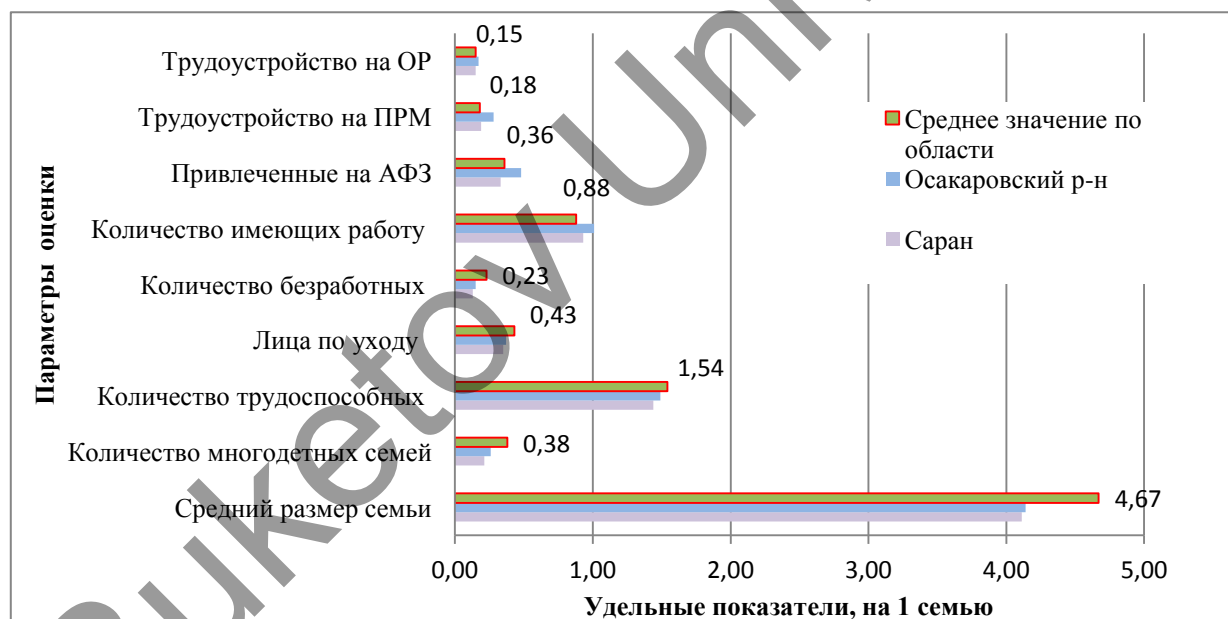

Рисунок 2. Профиль «Сарань–Осакаровский район» на фоне средних значений по области, 2022 г.:

АФЗ — активные формы занятости; ПРМ — постоянное рабочее место; ОР — общественные работы*

*Примечание. Составлен авторами.

Фактически по всем демографическим параметрам две единицы, входящие в группу, имеют демографические показатели ниже средней иждивенческой нагрузки, а также количество безработных ниже среднего значения. В то же время, по всем активным мерам трудоустройства эти две единицы имеют показатели выше средних значений по области.

Другие три единицы, входящие в первый кластер, — второй субкластер (1.2 в табл. 3), Шетский и Актогайский районы, а также Приозерск — обнаруживают весьма близкие позиции по демографическим и организационно-управленческим признакам. Эта группа отличается от первой тем, что количество трудоспособных и количество безработных выше среднего по области.

Упомянутые 5 территориальных единиц входят в первый кластер, имеющий значимые отличия от остальной группы, входящей во второй кластер.

Главное отличие 1 и 2 кластера состоит в различиях по демографическому блоку показателей (у первого они в основном ниже среднего, у второго — выше). Но и по экономическому и организационно-управленческому блоку отличия заметные даже визуально: в первом кластере они в основном выше среднего, во втором значительная доля показателей ниже среднего (табл. 3).

Второй кластер, как уже было отмечено выше, имеет два субкластера.

Субкластер 2.2 в таблице 3 объединяет все города Карагандинской агломерации (кроме Сарани) и Нуринский район, а также г. Жезказган и Сатпаев. Это говорит о том, что показатели ОДП в программе АСП в этих территориальных единицах имеют больше сходства, чем отличия. В этом кластере демографические характеристики преимущественно выше среднего по области.

Таблица 3. Соотношение средних значений показателей по субкластерам со средним значением по области, 2022 г.*

Кластеры	Субкластеры	Территориальные единицы	Лица по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми	Средний размер семьи	Количество многодетных семей	Количество трудоспособных	Количество безработных	Количество лиц, имеющих работу на одну семью	Лица, привлеченные на активные формы занятости	Трудоустройство лиц на постоянные рабочие места	Трудоустройство лиц на общественные работы
1 кластер	Субкластер 1.1	Сарань Осакаровский район									
	Субкластер 1.2	Шетский, Актогайский районы, Приозерск									
2 кластер	Субкластер 2.1	Балхаш, Каражал Районы Улытау, Жанарка, Бухаржырауский									
	Субкластер 2.2	Сатпаев, Жезказган Абай, Шахтинск Караганда, Темиртау, Каркаралинский и Нуринский районы									

*Примечание. Составлена авторами.
 ** Голубой цвет — среднее значение показателя по субкластеру ниже среднего по области; красный — выше среднего по области.

Показатель лиц, имеющих работу, в расчете на одну семью, в этом субкластере выше среднего. В этом случае низкий уровень среднедушевого дохода обусловлен многодетностью, большим числом в семье лиц, связанных с уходом, но и с невысокой оплатой труда за низкоквалифицированный труд. В данном субкластере ниже среднего по области количество безработных, привлеченных к активным мерам занятости, трудоустроенных на постоянное место работы и привлеченных на общественные работы.

Субкластер 2.1 отличается демографической иждивенческой нагрузкой выше среднего значения по области, что подтверждается количеством трудоспособных лиц на семью ниже среднего. При этом в субкластере количество безработных на семью выше среднего по области, а количество лиц,

имеющих работу на момент обращения, соответственно ниже. Что касается активных форм содействия занятости, то число лиц, привлеченных на общественные работы и трудоустроенных на постоянное рабочее место, ниже среднего по области. Большая активность наблюдается в направлении на общественные работы, и значение показателя по этому направлению выше среднего.

Обсуждение

Мы согласны с C.W. Naastepad и S. Storm, что макроэкономическое разнообразие между регионами влияет на адресную социальную помощь, и различные экономические особенности регионов требуют разных подходов к социальной политике и мерам поддержки (C.W. Naastepad, S. Storm, 2006).

Чтобы достичь эффективности принимаемых мер, необходим тщательный анализ различных факторов, способствующих снижению региональных неравенств и укреплению социальной солидарности (C. Jindra, A. Vaz, 2019).

J. Boltvinik, O. Mackett исследуют особенности модели социального обеспечения в разных странах, с вниманием к региональным аспектам и мерам поддержки. Ученые анализируют различия между странами и другими регионами и обсуждают, как эти различия влияют на адресную социальную помощь (J. Boltvinik, 2013; O. Mackett, 2020).

S. Klasen исследуют взаимосвязь между экономическим ростом, бедностью и региональными особенностями. Они обсуждают различные показатели бедности и их применимость к разным регионам, а также предлагает меры поддержки, направленные на сокращение бедности и неравенства (S. Klasen, 2008).

J. A. Osampo (2004), J. **Emily**, E. Brearley (2016), M. Scarlato, G. d'Agostino (2019) рассматривают различные модели и подходы, которые могут быть эффективными в адаптации социальной помощи к региональным особенностям. Эти публикации обсуждают вызовы и стратегии для преодоления региональных неравенств в адресной социальной помощи. Рассматриваются локальные инициативы и меры поддержки, направленные на сокращение региональных неравенств в адресной социальной помощи. Авторы анализируют опыт различных муниципалитетов и регионов, чтобы выявить эффективные практики и подходы (Osampo J.A., 2004; **Emily J.** & Brearley E., 2016; Scarlato M. & d'Agostino G., 2019).

Заключение

В выделенных кластерах большая однородность внутри каждого определяется сходством демографических характеристик и большей вариацией экономических и организационно-управленческих характеристик.

С высокой степенью обоснованности можно утверждать, что демографические характеристики у первого кластера имеют более низкое значение, чем у второго, что и определило выделение этих двух групп. В то же время формы трудовой активности в первом кластере выше среднего, а во втором — чаще ниже среднего по области.

По каждому из субкластеров можно сделать следующие предложения по совокупности принимаемых государством мер активизации занятости, поскольку обусловленная денежная помощь направлена именно на стимулирование трудовой активности.

Для субкластера 1.1 характерен благоприятный экономический фон и относительно сбалансированный рынок труда, поскольку наблюдается невысокое количество трудоспособных граждан в семье и ниже среднего по области количество безработных. Безработные привлекаются к активным формам интенсивнее, чем в среднем по области, после чего обретают постоянную занятость. Фактически можно рекомендовать только переподготовку или повышение квалификации для трудоустройства на более высокооплачиваемую работу с целью повышения среднего дохода семьи или вовлечение в частичную занятость лиц занятых уходом, если они имеют такую возможность.

Для субкластера 1.2 характерна ниже среднего демографическая нагрузка, но выше среднего количество трудоспособных и безработных. Здесь экономический фон менее динамичен и предпринимаемые меры не столь успешно, как в субкластере 1.1, действуют на снижение безработицы и низкого дохода. Поскольку количество лиц, имеющих работу, на одну семью выше среднего, то меры по повышению квалификации и переподготовке могут оказать поддержку в увеличении дохода семьи. Предлагается также вовлечение лиц, занятых уходом, в частичную занятость, что потребует больших усилий в поиске вариантов от служб занятости.

Для субкластера 2.2 характерна высокая иждивенческая нагрузка, но и количество трудоспособных лиц на семью выше среднего по области. Показатель лиц, имеющих работу, тоже выше среднего, что объясняется как иждивенческой нагрузкой, так и, вероятно, невысокой квалификацией работающего, что требует оценки в случае каждой конкретной семьи. Для этого кластера показатели активных мер имеют значение ниже среднего по области, в том числе и по общественным работам. Поскольку экономический фон в городах более диверсифицированный, чем в сельской местности, а инфраструктура, как правило, более развитая, следует вспомнить о такой мере, как замена пособия для ребенка дошкольного возраста субсидируемой государством услугой детского дошкольного учреждения. В этом случае женщина может пройти курсы профессиональной подготовки и переподготовки и обрести занятость, хотя бы частичную, для повышения среднедушевого дохода семьи.

Для субкластера 2.1 характерен высокий удельный показатель привлечения на общественные работы, что объясняется низким уровнем показателя количества лиц, имеющих работу в семье. Одновременно с существенной иждивенческой нагрузкой и многодетностью, это также актуализирует замену пособия на субсидируемую услугу детского учреждения. Это может несколько увеличить объемы выплат из бюджета, но зато является мерой инклюзива и выравнивания жизненных возможностей для детей.

Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (Грант № BR18574225).

Список литературы

- Alderman H. Multi-Tier Targeting of Social Assistance: The Role of Intergovernmental Transfers [Electronic resource]. / H. Alderman // *The World Bank Economic Review*. — 2001. — N 15(1). — P. 33–53. — Access mode: <http://www.jstor.org/stable/3990070>.
- Alkire S. Revising the Global Multidimensional Poverty Index: Empirical Insights and Robustness / S. Alkire, U. Kanagaratnam, R. Nogales, N. Suppa // *Review of Income and Wealth*. — 2022. — N 68(S2). — P. 347–384.
- Atabayeva A. K. Parental employment in families with disabilities: Assessment, factors, solutions / A. K. Atabayeva, T. P. Pritvorova, Y. S. Petrenko // *Bulletin of the Karaganda university*. — 2021. — N 4(104). — P. 62–73.
- Barrientos A. The future of social assistance in developing countries / A. Barrientos // *Social Assistance in Developing Countries*. — 2013. — P. 201–223. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781139856058.012.
- Boltvinik J. Counting the Poor: New Thinking about European Poverty Measures and Lessons for the United States / J. Boltvinik // *Journal of Social Policy*. — 2013. — N 42(4). — P. 852–855. doi:10.1017/S0047279413000433.
- Clasen J. European labour markets and social policy: recent research and future directions / J. Clasen, D. Clegg // *Social policy in changing European societies*. — 2022. — P. 187–201. doi: — 202210.4337/9781802201710.00020.
- Emily J. A History of Social Protection in Latin America: From Conquest to Conditional Cash Transfers [Electronic resource] / J. Emily, E. Brearley // *Revue Interventions économiques*. — 2016. — 56. — Access mode: <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/2926> DOI: <https://doi.org/10.4000/interventionseconomiques.2926/>
- Ferrera M. The “Southern Model” of Welfare in Social Europe / M. Ferrera // *Journal of European Social Policy*. — 2005. — N 15(3). — P. 231–245.
- Gibson J. Poverty Measurement: We Know Less than Policy Makers Realize / J. Gibson // *Asia & the Pacific Policy Studies*. — 2016. — N 3(3). — P. 430–442. doi: <https://doi.org/10.1002/app5.141>
- Hakovirta M. Child Poverty, Child Maintenance and Interactions with Social Assistance Benefits Among Lone Parent Families: a Comparative Analysis / M. Hakovirta, C. Skinner, H. Hiilamo, M. Jokela // *Journal of Social Policy*. — 2020. — N 49(1). — P. 19–39.
- Hulme D. Social Protection, Marginality, and Extreme Poverty: Just Give Money to the Poor? / D. Hulme, J. Hanlon, A. Barrientos. — 2014. — 388 p. doi:10.1007/978-94-007-7061-4_19.
- Iversen V. *Social Mobility in Developing Countries: Concepts, Methods, and Determinants* / V. Iversen, K. Anirudh, S. Kunal. — Oxford Academic, 2021. — 512 p. doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192896858.001.0001>.
- Jindra C. Good governance and multidimensional poverty: A comparative analysis of 71 countries / C. Jindra, A. Vaz // *Governance*. — 2019. — N 32(4). — P. 657–675. doi: <https://doi.org/10.1111/gove.12394>.
- Kalleberg A. Determinants Of Precarious Employment In India: An Empirical Analysis / A. Kalleberg, S. Vallas // *Precarious Work*. — 2017. — Vol. 31. — P. 335–361.
- Klasen S. Economic Growth and Poverty Reduction: Measurement Issues using Income and Non-Income Indicators / S. Klasen // *World Development*. — 2008. — N 36(3). — P. 420–445.
- Koch-Weser M. *Social Analysis in Project Lending: Writing New Rules and Changing Old Practices* / M. Koch-Weser, S. Guggenheim // *Social Development in the World Bank*. — Springer, 2021. — 374 p. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57426-0_8

- Li Mengyao. Power and poverty in China: Why some counties perform better in poverty alleviation? / Mengyao Li, Wu. Zemin // Journal of Chinese Political Science. — 2021. — doi: <https://doi.org/10.1007/s11366-021-09765-0>.
- Lustig N. COVID-19 and social protection of poor and vulnerable groups in Latin America: a conceptual framework / N. Lustig, M. Tommasi // CEPAL Review. — 2020. — N 132. — P. 259–270.
- Mackett O. Social Grants as a Tool for Poverty Reduction in South Africa? A Longitudinal Analysis Using the NIDS Survey / O. Mackett // African Studies Quarterly. — 2020. — N 19(1). — P. 41–64.
- Mcelwee G. Out of the Margins: Evaluating the Scale of Employment in Informal Enterprises in Developing and Transition Economies / G. Mcelwee, R. Smith // Policy & Practice. — 2015. — N 5. — P. 23–48.
- Naastepad C. Regional Macroeconomic Diversity in the European Monetary Union / C. Naastepad, S. Storm // Cambridge Journal of Economics. — 2006. — N 30(6). — P. 835–847.
- Nasri K. Poverty-alleviation programs in Tunisia: selection processes and targeting performance indicators at the regional level / K. Nasri // International Journal of Social Economics. — 2022. — N 49. DOI: 10.1108/IJSE-03-2021-0157.
- Ocampo J. A. Regional Inequality and Social Cohesion: An Overview / J. A. Ocampo // CEPAL Review. — 2004. — 82. — P. 7–26.
- Pritvorova T. P. Temporary and part-time employment in the European labor market: factors, trends, features / T. P. Pritvorova, S. G. Simonov, A. K. Atabayeva // Bulletin of the Karaganda University, Economy Series. — 2020. — N 3(99). — P. 110–123.
- Scarlato M. The Political Dimension of Cash Transfers in Latin America and Sub Saharan Africa: A Comparative Perspective / M. Scarlato, G. d'Agostino // Politics & Policy. — 2019. — N 47. DOI: 10.1111/polp.12332
- Schotte S. A poverty dynamics approach to social stratification: The South African case / S. Schotte, R. Zizzamia, M. Leibbrandt // World Development: the Multi-Disciplinary International Journal Devoted to the Study and Promotion of World Development. — 2018. — N 110. — P. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.024>.
- Woolard I. Determinants of Income Mobility and Household Poverty Dynamics in South Africa / I. Woolard, S. Klasen // The Journal of Development Studies. — 2005. — N 41(5). — P. 865–897. DOI:10.1080/00220380500145313
- Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Веб-сайт ООН. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
- Джусибалиева А. Государственная поддержка и регулирование предпринимательства как факторы развития занятости [Текст] / А. Джусибалиева, Г. Ахметова, Б. Саубетова // Central Asian Economic Review. — 2020. — № 1(130). — С. 8–21.
- Закон Республики Казахстан от 17 июля 2001 года № 246-ІІ «О государственной адресной социальной помощи» (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023553&pos=3;-88#pos=3;-88
- Колесникова О.А. Нестандартная занятость и прекаризация населения: проблемы интерпретации, изучения, регулирования [Текст] / О.А. Колесникова, Е.В. Маслова, О.А. Зенкова // Регион: системы, экономика, управление. — 2021. — № 1(52). — С. 75–81.
- Кученкова А.В. Вид занятости как детерминанта субъективного благополучия: проблемы сопоставимости результатов исследований [Текст] / А.В. Кученкова // Социологическая наука и социальная практика. — 2021. — № 2(9). — С. 66–81.
- Петренко Е.С. Профилирование безработных при оказании услуг содействия занятости населения: мировой опыт и модель для Казахстана [Текст] / Е.С. Петренко, Т.П. Притворова, Б.К. Спанова // Экономика труда. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 357–376.
- Сен А. Идея справедливости [Текст] / А. Сен. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 517 с.

А.К. Атабаева, Т.П. Притворова

**Атаулы әлеуметтік көмектің аймақтық ерекшеліктері:
алғышарттары және қолдау шаралары**

Аңдатпа:

Мақсаты: Мақаланың негізгі мақсаты — Қарағанды облысындағы атаулы әлеуметтік көмектің аймақтың ерекшеліктерін зерделеу және оны белсендіру тетіктері бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Әдісі: Зерттеу барысында Python бағдарламасында экономикалық мәліметтерді өңдеудің статистикалық әдістері, атап айтқанда кластерлік талдау әдісі қолданылды.

Қорытынды: Мақалада кластерлік талдау әдісінің көмегімен шартты ақшалай көмекке (бұдан әрі — ШАК) құқық алған азаматтардың атрибуттары бойынша Қарағанды облысының аймағын саралау көрсетілген. Атаулы әлеуметтік көмек алушылардың сипаттамаларының үш тобын пайдалана отырып, Қарағанды облысы аймақтарының көп өлшемді жіктелуі жүргізілді: демографиялық; экономикалық, аймақ экономикасының жағдайына байланысты; жұмыспен қамту қызметінің қызметін сипаттайтын ұйымдастырушылық-

басқарушылық. Демографиялық белгілерге ШАК-тың 1 отбасына шаққандағы үлес көрсеткіштері ретінде есептелген атрибуттар жатады: отбасының орташа мөлшері; көп балалы отбасылардың саны; еңбекке қабілетті адамдардың саны; отбасының басқа мүшелеріне (балалар, мүгедектер, қарттар) қамқорлық жасайтын адамдардың саны. Талдау нәтижесінде екі кластер бөлінегін дендрограмма алынды, екеуіне де екі субкластер кіреді.

Тұжырымдама: Алынған кластерлерде әрқайсысының ішіндегі үлкен біртектілік демографиялық сипаттамалардың ұқсастығымен және экономикалық және ұйымдастырушылық-басқарушылық сипаттамалардың үлкен өзгеруімен анықталады. Субкластерлердің әрқайсысы бойынша мемлекеттік жұмыспен қамту шараларын жандандыру бойынша ұсыныстар жасалды, өйткені шартты ақшалай көмек еңбек белсенділігін ынталандыруға бағытталған. 1.1 субкластері үшін отбасының орташа табысын арттыру мақсатында жоғары ақы төленетін жұмысқа орналасу үшін қайта даярлау немесе біліктілігін арттыру ұсынылады. 1.2 субкластері үшін қосымша күтіммен айналысатын адамдарды толық емес жұмыспен қамтуға ұсыным беру керек. 2.1 және 2.2 субкластерлері жоғары тәуелділік жүктемесімен сипатталады. Мектеп жасына дейінгі балаға берілетін жәрдемақыны мемлекеттік субсидияланатын мектепке дейінгі мекемеге ауыстыру шарасы ұсынылып отыр. Бұл бюджеттен төленетін төлемдер көлемін шамалы арттыруы мүмкін, бірақ бұл балалардың өмір сүру мүмкіндіктерін қосу және теңестіру шарасы болып табылады.

Кілт сөздер: атаулы әлеуметтік көмек, шартты ақшалай көмек, аймақ, кластерлік талдау, белсенді шаралар, жұмыспен қамту.

A.K. Atabayeva, T.P. Pritvorova

Regional features of targeted social assistance: prerequisites and support measures

Abstract

Object: The main purpose of the article is to study the regional features of targeted social assistance in the Karaganda region in order to develop proposals for mechanisms for its activation.

Methods: In the course of the study, statistical methods for processing economic data in the Python program were used, in particular, the cluster analysis method.

Findings: Using the cluster analysis method, the article reflects the differentiation of the regions of the Karaganda region according to the attributes of citizens who have received the right to conditional cash assistance (hereinafter CCA). A multidimensional classification of the regions of the Karaganda region was carried out using three groups of characteristics of recipients of targeted social assistance: demographic; economic, due to the state of the economy of the region; organizational and managerial, characterizing the activities of employment services. Demographic characteristics include attributes calculated as specific indicators per 1 CFS family: average family size; the number of large families; the number of able-bodied persons; the number of people caring for other family members (children, the disabled, the elderly). As a result of the analysis, a dendrogram was obtained, in which two clusters are distinguished, both contain two subclusters inside themselves.

Conclusions: In the resulting clusters, greater homogeneity within each is determined by the similarity of demographic characteristics and greater variation in economic, organizational and managerial characteristics. For each of the subclusters, proposals were made to intensify state employment measures, since conditional financial assistance is aimed precisely at stimulating labor activity. For subcluster 1.1, retraining or advanced training is recommended for employment in a higher paying job in order to increase the average family income. For subcluster 1.2, it is additionally proposed to involve caregivers in part-time employment. Subclusters 2.1 and 2.2 are characterized by a high dependency burden. Such a measure is proposed as the replacement of the allowance for a child of preschool age with a state-subsidized service of a preschool institution. This may slightly increase the amount of payments from the budget, but it is a measure of inclusiveness and equalization of life opportunities for children.

Keywords: targeted social assistance, conditional cash assistance, region, cluster analysis, active measures, employment.

References

- Alderman, H. (2001). Multi-Tier Targeting of Social Assistance: The Role of Intergovernmental Transfers. *The World Bank Economic Review*, 15(1), 33–53. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/3990070>.
- Alkire, S., Kanagaratnam, U., Nogales, R., & Suppa, N. (2022). Revising the Global Multidimensional Poverty Index: Empirical Insights and Robustness. *Review of Income and Wealth*, 68(S2), 347–384.
- Atabayeva, A. K., Pritvorova, T. P., & Petrenko, Y. S. (2021). Parental employment in families with disabilities: Assessment, factors, solutions. *Bulletin of the Karaganda university*, 4(104), 62–73.
- Barrientos, A. (2013). The future of social assistance in developing countries. *Social Assistance in Developing Countries*, 201–223. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781139856058.012.
- Boltvinik, J. (2013). Counting the Poor: New Thinking about European Poverty Measures and Lessons for the United States. *Journal of Social Policy*, 42(4), 852–855. doi:10.1017/S0047279413000433.

- Clasen, J. & Clegg, D. (2022). European labour markets and social policy: recent research and future directions. *Social policy in changing European societies*, 187–201. 10.4337/9781802201710.00020.
- Emily, J. & Brearley E. (2016). A History of Social Protection in Latin America: From Conquest to Conditional Cash Transfers. *Revue Interventions économiques*. Retrieved from <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/2926> DOI: <https://doi.org/10.4000/interventionseconomiques.2926>.
- Ferrera, M. (2005). The “Southern Model” of Welfare in Social Europe. *Journal of European Social Policy*, 15(3), 231–245.
- Gibson, J. (2016). Poverty Measurement: We Know Less than Policy Makers Realize. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 3(3), 430–442. <https://doi.org/10.1002/app5.141>.
- Hakovirta, M., Skinner, C., Hiilamo, H. & Jokela, M. (2020). Child Poverty, Child Maintenance and Interactions with Social Assistance Benefits Among Lone Parent Families: a Comparative Analysis. *Journal of Social Policy*, 49(1), 19–39.
- Hulme, D., Hanlon J., & Barrientos A. (2014). Social Protection, Marginality, and Extreme Poverty: Just Give Money to the Poor? 388 p. doi:10.1007/978-94-007-7061-4_19.
- Iversen, V., Anirudh, K., & Kunal, S. (2021). *Social Mobility in Developing Countries: Concepts, Methods, and Determinants*. Oxford Academic, 512 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192896858.001.0001>.
- Jindra, C., & Vaz, A. (2019). Good governance and multidimensional poverty: A comparative analysis of 71 countries. *Governance*, 32(4), 657–675. <https://doi.org/10.1111/gove.12394>.
- Kalleberg, A., & Vallas, S. (2017). Determinants Of Precarious Employment In India: An Empirical Analysis. *Precarious Work*, 31, 335–361.
- Klasen, S. (2008). Economic Growth and Poverty Reduction: Measurement Issues using Income and Non-Income Indicators. *World Development*, 36(3), 420–445.
- Koch-Weser, M., & Guggenheim, S. (2021). Social Analysis in Project Lending: Writing New Rules and Changing Old Practices. *Social Development in the World Bank*. Springer, 374 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-57426-0_8
- Li Mengyao, & Zemin Wu. (2021). Power and poverty in China: Why some counties perform better in poverty alleviation? *Journal of Chinese Political Science*. <https://doi.org/10.1007/s11366-021-09765-0>.
- Lustig, N., & Tommasi, M. (2020). COVID-19 and social protection of poor and vulnerable groups in Latin America: a conceptual framework. *CEPAL Review*, 132, 259–270.
- Mackett, O. (2020). Social Grants as a Tool for Poverty Reduction in South Africa? A Longitudinal Analysis Using the NIDS Survey. *African Studies Quarterly*, 19(1), 41–64.
- Mcelwee, G., & Smith, R. (2015). Out of the Margins: Evaluating the Scale of Employment in Informal Enterprises in Developing and Transition Economies. *Policy & Practice*, 5, 23–48.
- Naastepad, C., & Storm, S. (2006). Regional Macroeconomic Diversity in the European Monetary Union. *Cambridge Journal of Economics*, 30(6), 835–847.
- Nasri, K. (2022). Poverty-alleviation programs in Tunisia: selection processes and targeting performance indicators at the regional level. *International Journal of Social Economics*, 49. DOI: 10.1108/IJSE-03-2021-0157.
- Ocampo, J. A. (2004). Regional Inequality and Social Cohesion: An Overview. *CEPAL Review*, 82, 7–26.
- Pritvorova, T. P., Simonov, S. G. & Atabayeva, A. K. (2020). Temporary and part-time employment in the European labor market: factors, trends, features. *Bulletin of the Karaganda University. Economy Series*, 3(99), 110–123.
- Scarlato, M., & d'Agostino, G. (2019). The Political Dimension of Cash Transfers in Latin America and Sub Saharan Africa: A Comparative Perspective. *Politics & Policy*, 47. DOI: 10.1111/polp.12332.
- Schotte, S., Zizzamia, R., & Leibbrandt, M. (2018). A poverty dynamics approach to social stratification: The South African case. *World Development: the Multi-Disciplinary International Journal Devoted to the Study and Promotion of World Development*, 110, 88–103. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.024>.
- Woolard, I., & Klasen, S. (2005). Determinants of Income Mobility and Household Poverty Dynamics in South Africa. *The Journal of Development Studies*, 41(5), 865–897. DOI:10.1080/00220380500145313.
- Deklaratsiia tysiacheletiiia. Organizatsii Obedinennykh Natsii. Veb-sait OON [United Nations Millennium Declaration. UN website]. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml [in Russian].
- Dzhusibalieva, A., Akhmetova, G., & Saubetova, B. (2020). Gosudarstvennaia podderzhka i regulirovanie predprinimatelstva kak faktory razvitiia zaniatosti [State support and regulation of entrepreneurship as factors in the development of employment]. *Tsentralnaia Aziia: ekonomicheskii obzor — Central Asian Economic Review*, 1(130), 8–21 [in Russian].
- Kolesnikova, O.A., Maslova, E.V., & Zenkova, O.A. (2021). Nestandardnaia zanjatost i prekarizatsiia naseleniia: problemy integratsii, izucheniia, regulirovaniia [Non-standard employment and precarization of the population: problems of combination, study, regulation]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie — Region: system, economics, management*, 1(52), 75–81 [in Russian].
- Kuchenkova, A.V. (2021). Vid zaniatosti kak determinanta subektivnogo blagopoluchiiia: problemy sopostavimosti rezultatov issledovaniia [Type of employment as a determinant of subjective well-being: problems of comparability

of research results]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsialnaia praktika — Sociological science and social practice*, 2(9), 66–81 [in Russian].

Petrenko, E.S., Pritvorova, T.P., & Spanova, B.K. (2019). Profilirovanie bezrabotnykh pri okazanii uslug sodeistviia zaniatosti naseleniia: mirovoi opyt i model dlia Kazakhstana [Profiling the unemployed in the provision of services to promote employment of the population: world experience and a model for Kazakhstan]. *Ekonomika truda — Labor economics*, 6(1), 357–376 [in Russian].

Sen, A. (2016). Ideia spravedlivosti [The idea of justice]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara [in Russian].

Zakon Respubliki Kazahstan ot 17 iiulia 2001 goda N 246-II «O gosudarstvennoi adresnoi sotsialnoi pomoshchi» (s izmeneniiami i dopolneniiami po sostoianiiu na 01.01.2023 g.) [The Law of the Republic of Kazakhstan dated July 17, 2001 No. 246-II “On State targeted social assistance” (with amendments and additions as of 01.01.2023)]. Retrieved from [https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=1023553&pos=3;-88#pos=3;-88](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023553&pos=3;-88#pos=3;-88) [in Russian].

Букеетов Университет